

М.Ф. Шацкая

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕКОДИРОВКИ В МОДУСНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Ключевые слова: актант, инструмент, комплемент, компликатор, объект, синтаксическая семантика, сирконстант, субъект, трансформация.

Статья посвящена одной из проблем семантического синтаксиса – описанию модусной характеристики предложения. Объектом послужили тексты комической направленности, предметом – актанты, их видоизменения в условиях языковой игры. Цель работы – представить трансформации участников ситуации, определив роль лексического значения в таких преобразованиях.

Шацкая

Марина Федоровна – канд. филол. наук, доцент, докторант кафедры общего и славяно-русского языкознания Волгоградского государственного педагогического университета

© М.Ф. Шацкая, 2008

Состав и характеристика актантов и сирконстантов до сих пор является актуальным предметом обсуждения в современной синтаксической теории. Так, выделяют две основные группы обязательных участников ситуации – комплементов: субъектного типа (агенс, коагенс, контрагенс, ономасиатив, посессор, эксисциенс, элементив, функтив, эмотив, экспериенсив) и объектного типа (адресат, бенефициатив, делибератив, интеллектив, информатив, объектив, пациентив, результатив). Также известны актанты инструментального типа (инструмент, орудие, медиатив) и необязательные участники ситуации – сирконстанты (локатив, темпоратив) (см. об этом подробнее: [Богданов, 1977; Гак, 1978; Падучева, 2004; Шмелева, 1988; Никитин, 1988] и др.). Формируя семантико-синтаксическую характеристику любого текста, они могут быть статичными в проявлении своей собственно ролевой характеристики или могут видоизменяться. Как показывают наши наблюдения, в комическом контексте квалификация участников ситуации может качественно преобразовываться, что является результатом активизации манипулятивной функции языка. Рассмотрим возможные изменения модусной характеристики предложения, избрав в качестве материала исследования произведения С. Довлатова. В них можно выделить три вида названных трансформаций, располагая их градационно.

1. Внутриролевая (внутриактантная, модификационная) перекодировка. Суть данного вида изменений состоит в том, что базовая актантная отнесен-

ность участника ситуации остается той же, меняются лишь ее некоторые частные характеристики. Например:

- Шел экзамен по русской литературе. Хачатурян всех спрашивал:*
 – Прости, что за вопрос достался?
 – Пушкин, – говорил один.
 – Мне повезло, – восклицал **Хачатурян**, – именно этого я не учил!
 – Лермонтов, – говорил второй.
 – Повезло, – восклицал **Хачатурян**, – именно этого я не учил!

Наконец подошла его собственная очередь. Судья вытащил билет. Там было написано: «Гоголь».

– Вай! – закричал **Хачатурян**. – Какая неудача! Ведь именно этого я как раз не учил!.. [Довлатов, 2005, т. 1, с. 57].

От прямого или косвенного воздействия источника состояния – эмоции (*билет*) на объект будет зависеть эмоциональная характеристика пациента (*Хачатурян*): направленность на других пациентов вызывает положительный эмоциональный настрой у ведущего участника ситуации *Хачатуряна*, прямое воздействие – наоборот.

Изменение лексической семантики может влиять на перемену характеристики сирконстантов:

– Я знаю, – сказала Фрида, – что вы пишете новеллы. Могу я их прочесть? Они у вас **при себе**?

- **При себе**, – говорю, – у меня лишь те, которых еще нет.
 – Браво! – сказала Фрида [Довлатов, 2005, т. 1, с. 44].

Значение локализатора словоформы *при себе* преобразуется с реального на ирреальное. *При себе* в первом употреблении регистрирует присутствие семы ‘взятое с собой’ и значит ‘материально представленные в виде различных печатных изданий произведения автора’; во втором высказывании это местоимение квалифицирует наличие семы ‘в уме’, является результатом усечения фразеологического оборота *держат при себе* – ‘не высказывать вслух, публично’ [СлРЯ, т. 1, с. 390] и несет в себе имплицитную отнесенность к фоновым знаниям субъекта (наличие в советское время цензуры, ограничивающей распространение идеологически чуждых государственной доктрине художественных произведений).

Субъект может уточняться атрибутивным компликатором с гипотетичной вариативностью лексической семантики (реалистическая семантика ‘человек’ тяготеет к возможности замены на ‘смерть’):

– Вас ожидает дама.

Быстро спросил:

– **Не с косой?** [Довлатов, 2005, т. 1, с. 245].

Частное изменение в семантике актанта под влиянием перемены лексического значения мы можем видеть в таком примере:

Фрида сказала:

– Все мы – люди **определенного** круга.

Я кивнул.

– Надеюсь, и вы – человек **определенного** круга?

– Да, – сказал я.

– Какого именно?

– **Четвертого**, – говорю, – если вы подразумеваете круги ада.

– Bravo! – сказала девушка [Довлатов, 2005, т. 1, с. 42].

При создании комического эффекта «запланированная» двусмысленность следующим образом отражается на уровне и лексической семантики, и синтаксической: количественная характеристика атрибутива *четвертый* меняется на качественную, так как значение названной лексемы определяется уже не категориальными семемами, а апеллирует к известному произведению Данте «Божественная комедия». Преобразование лексической и синтаксической семантики слова *четвертый* воздействует и на перемену лексического значения слова *определенный* (значение ‘вполне сложившийся, определенный’ меняется на ‘твердо установленный, назначенный’ [СлРЯ, т. 2, с. 629]), что, соответственно, приводит к изменению характеристики главного героя рассказа (на четвертом круге ада, по Данте, находятся расточители и расхитители).

2. Внутривидовая перекодировка. Суть ее заключается в том, что меняется ролевая характеристика актанта в пределах одной видовой группы (например, актантов субъектного или объектного типа).

Наблюдаются случаи, когда на качественное изменение актантов влияет межуровневая аттракция языковых единиц:

– О чем мы будем говорить? ...О Джойсе? О Гитлере? ...А может быть, о Ясперсе или о **Кафке**? (1)

– О **Кафке** (1), – сказал я...

Останавливает меня коллега Барабанов.

– Вчера, – говорит, – перечитывал **Кафку** (2). А вы читали **Кафку**? (2)

– К сожалению, нет, – говорю. (2)

– Вы не читали **Кафку**? (2)

– Признаться, не читал.

Целый день Барабанов косился на меня. А в обеденный перерыв заходит ко мне лаборантка Нинуля и спрашивает:

– Говорят, вы не читали **Кафку**. (2) Это правда? Только откровенно. Все останется между нами.

– Не читал, – говорю.

Нинуля вздрогнула и пошла обедать с коллегой Барабановым...

Возвращаясь с работы, я повстречал геолога Тищенко. Тищенко был, по обыкновению, с некрасивой девушкой.

– В Ханты-Мансийске свободно продается **Кафка!** (3) – издали закричал он.

– Чудесно, – сказал я и, не оглядываясь, поспешил дальше.

– Ты куда? – обиженно спросил геолог.

– В Ханты-Мансийск, – говорю.

Через минуту я был дома. В коридоре на меня обрушился сосед-дошкольник Рома.

– А мы с бабулей **Кафку** (2, 3) читали!

Я закричал и бросился прочь. Однако Рома крепко держал меня за ногу.

– Тебе понравилось? – спросил я.

– Более или менее, – ответил Рома.

Тогда дошкольник вынес большую рваную книгу и прочел:

– **РУФКИЕ НАРОДНЫЕ КАФКИ!** (4) [Довлатов, 2005, т. 1, с. 43–44].

Трансформация лексического значения ((1) предмет разговора (творчество автора) – (2) культовый писатель, образец показательной эрудиции – (3) «ирреальный преследователь» – (4) сказки) сопровождается синтаксической трансформацией. В процессе замещения одной семантической роли на другую принимают участие и единицы фонетического уровня. В результате чего информатив, объектный тип актанта, управляемый глаголом речи (1, 2), преобразуется вначале в эмотив, субъектный тип актанта, источник эмоционального состояния (3), а затем в интеллектив, объектный тип актанта, управляемый глаголом умственной деятельности (4). Миграцию лексического значения можно представить следующим образом: метонимический перенос – автор и его произведения (1, 2), метонимический перенос – автор и печатные издания его произведений (3); омоним, возникший в связи с логопедически ошибочным произношением (детская речь) (4).

3. Межвидовые (векторные) перекодировки. Суть их в том, что роль участника ситуации качественно меняется, причем переименование роли может происходить прежде всего в области комплементов (актант субъектного типа замещается аргументом объектного типа или наоборот), на сирконстант может меняться и обязательный участник ситуации.

Эмотив (субъектный тип, источник эмоционального состояния) может менять актантную характеристику, становясь пациентивом (объектный тип, лицо, на которое распространяется какое-либо действие, отношение, состояние субъекта):

– Отчего ты грустный? – Секин коснулся моего рукава.

– **У меня**, – говорю, – комплекс неполноценности.

– Комплекс неполноценности у всех, – заверил Секин.

– И у тебя?

– И у меня в том числе. **У меня** комплекс **твоей** неполноценности.

– Bravo! – сказал я [Довлатов, 2005, т. 1, с. 45].

Синтаксический дериват *твоей* влияет на смену семантического вектора в глубинных структурах предложения, провоцируя иное темо-рема-тическое членение, и на фоне грамматически несвойственной сочетаемости фразеологического оборота *комплекс неполноценности* ('болезненное осознание своих недостатков, своей неполноценности' [СлРЯ, т. 2, с. 85]) появляется дополнительный негативный оттенок при его употреблении 'отсутствие желания воспринимать психологические проблемы другого человека'.

Предложение с ономасиативом, актантом субъектного типа, оказывается не чем иным, как результатом ненормативной, аномальной синтаксической компрессии.

Он снял пальто. Затем присел к столу и начал:

– *Знаете ли вы, что у меня есть редкостные фотографии Ахматовой.*

– *Какие фотографии? – спрашиваю.*

– *Я же сказал – фотографии Ахматовой.*

– *Какого года?*

– *Что – какого года?*

– *Какого года фотографии?*

– *Ну, семьдесят четвертого. А может, семьдесят шестого. Я не помню.*

– *Задолго до этого она умерла.*

– *Ну и что? – спросил Габович.*

– *Как – ну и что? Так что же запечатлено на этих фотографиях?*

– *Какая разница? – миролюбиво вставила жена.*

– *Там запечатлен я, – сказал Габович, – там запечатлен я на могиле*

Ахматовой [Довлатов, 2005, т. 1, с. 220–221].

В заключительной реплике персонажа компрессия аннулируется и выделенная лексема уже становится компонентом локатива (сирконстант, локализация предмета в пространстве).

Имплицитный пациентив (*розовый пакет* – грудной ребенок, девочка, в пеленках) под воздействием лексической многозначности (*пакет* – переносное значение 'конверт с письмом официально-делового содержания' [СлРЯ, т. 3, с. 11] согласуется со значением слова *документ* – 'деловая бумага, служащая доказательством чего-либо, подтверждающая право на что-либо' [СлРЯ, т. 1, с. 421] и восходит по тексту изначально к прямому значению 'упакованный в бумажную или иную обертку какой-либо предмет или ряд предметов; сверток' [СлРЯ, т. 3, с. 11]) в соответствии с авторским замыслом получает контекстуальную характеристику другого актанта инструментального типа: предмет, при помощи которого разрешается ситуация – медиатив:

Помню, зашел я с коляской в редакцию журнала «Аврора». Мне причитался там небольшой гонорар. Чиновница раскрыла ведомость:

– *Растиштесь.*

И добавила:

- *Шестнадцать рублей мы выжили за бездетность.*
- *Но у меня, – говорю, – есть дочка.*
- *Надо представить соответствующий документ.*
- *Пожалуйста.*

Я вынул из коляски розовый пакет. Осторожно положил его на стол главного бухгалтера. Сохранил таким образом шестнадцать рублей [Довлатов, 2005, т. 3, с. 443].

Фонетическое уподобление также приводит к неустойчивости актантной характеристики:

Как-то раз Григорий Борисович отправился за покупками. <...> За это время случилось вот что. Дети, играя, забежали в четвертое бунгало. Сорвали занавеску. Опрокинули банку с настурциями. Разбросали бумаги.

Писатель вернулся. Через минуту выскочил из дома разъяренный. Он кричал соседям:

– *Я буду жаловаться!.. Мои бумаги!.. Есть закон о неприкосновенности жилища!*

И после этого:

- *Как я завидую Генри **Торо!**..*
- *Типичный крейзи, – говорили соседи.*
- *У него, видите ли, ценные бумаги!*
- *Ценные бумаги! Я вас умоляю, Роза, не смешите меня!*
- *А главное – **Торой** укоряет. Мол, не по-божески живете... [Довлатов, 2005, т. 3, с. 523].*

Семантика участника ситуации колеблется между пациентивом, лицом, на которого распространяется эмоциональное состояние субъекта, (*Генри Торо* – американский писатель, мыслитель XIX в., представитель трансцендентализма [СЭС, 1980, с. 1354], и инструментом, предметом, использование которого способствует осуществлению ситуации (*Тора* – священное писание иудеев, пятикнижие Моисея).

Как показывает материал исследования, в условиях языковой игры модусная характеристика высказывания может преобразовываться. В произведениях С. Довлатова нами были выявлены три вида актантных перекодировок: 1) внутриролевая (внутриактантная; модификационная), которая не ведет к какому-то абсолютному изменению аргумента в целом, а лишь свидетельствует о некотором изменении (модификации) в семантике; 2) внутривидовая (мутационная), влияющая на изменение актантной характеристики участника ситуации в пределах одного вида аргументов (например, внутри субъектного типа актантов); 3) межвидовая (векторная) перекодировка, меняющая видовую отнесенность аргу-

мента (например, субъектный тип преобразуется в объектный), а иногда ведущая к аннулированию обязательной позиции в структуре предложения (комплемент превращается в сирконстант). Перекодировка синтаксической семантики в большинстве случаев опирается на перемены в лексическом значении слова.

Литература

1. *Богданов В.В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.
2. *Гак В.Г.* Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин, 1978.
3. *Довлатов С.* Собрание сочинений: в 4 т. СПб., 2005.
4. *Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
5. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984. (СЛРЯ)
7. Советский энциклопедический словарь. М., 1980. (СЭС)
8. *Шмелева Т.В.* Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1988.